

Шэнь Цзюли почувствовал, как его лицо загорелось от стыда, и, прикоснувшись к щеке, с облегчением убедился, что кожа всё ещё на месте.

Как раз в этот момент его младший брат Шэнь Хайжо вернулся домой. Увидев действия старшего брата, он с энтузиазмом заметил:

— Второй брат, кожа стала грубой? Я же говорил тебе, не пей кофе, не засиживайся допоздна и не злись — это вредно для кожи. Но ничего страшного, я порекомендую тебе несколько масок и сывороток, которые сам использую. Уверен, после них твоя кожа станет гладкой и нежной, как только что очищенное яйцо...

Цзюли, который изначально не хотел злиться, теперь с трудом сдерживал гнев. Глубоко вздохнув, он крикнул Хайжо, собрав всю силу в животе:

— Эй, Хайжо, проваливай, а то я тебя отлуплю!

Долгое время находившийся под гнётом старшего брата, Хайжо тут же насторожил уши, поджал хвост и быстро ретировался.

Выпустив пар, Цзюли почувствовал себя немного лучше, а затем подумал, что раз уж всё произошло, ему остаётся только принять это.

Хотя они давно не общались, когда Цзюли набрал номер старшего брата, он услышал гудки и чуть не расплакался от радости.

Слава богу, старший брат на этот раз не забыл оплатить телефонный счёт.

Звонок быстро соединился.

— Алло.

Голос старшего брата звучал бодро и энергично, словно он был полен жизни.

Цзюли не обратил внимания на отличное состояние брата, а вместо этого насторожил уши, услышав с другой стороны выстрелы и крики, которые буквально пронзали его барабанные перепонки, как в 3D-фильме про перестрелки.

Цзюли криво усмехнулся и спросил:

— Старший брат, чем ты занят?

— Играю! Ах... Я очень занят, если что-то нужно, говори быстрее, быстрее, надо их добить...

Цзюли стиснул зубы и сказал:

— Старший брат, дома проблемы, тебе нужно вернуться!

— Что случилось? Папашка скончался?

— Нет, дома действительно проблемы, ты вернёшься или нет?

С другой стороны наступила пауза, видимо, Шэнь Цзялань был действительно занят, так как звуки перестрелки продолжались некоторое время, прежде чем стихли.

— Окей, тогда я вернусь через несколько дней, всё равно давно не был дома.

Цзюли чуть не заплакал от радости и поспешно сказал:

— Тогда поскорее возвращайся, алло? Алло?

В трубке раздались короткие гудки — «занятый» старший брат, погружённый в игру, повесил трубку.

Цзюли вздохнул: старший брат по-прежнему не оставляет никому шансов, всё решает сам.

Завершив односторонний разговор, Цзюли смирился, но всё же велел слугам подготовить комнату брата. Впрочем, особо делать там было нечего — комната давно пустовала, нужно было лишь проверить мелкие детали, чтобы ничего не упустить.

Цзюли ждал и ждал. Прошёл день, второй, третий...

В ту ночь Цзюли крепко спал и не заметил, как тёмная фигура вскрыла окно его комнаты и бесшумно, словно призрак, проскользнула внутрь.

Тень нащупала что-то и достала блестящий кинжал, который даже в темноте излучал холодный свет. Медленно приблизившись к кровати, она резко занесла оружие над спящим...

В тот же миг Цзюли, который должен был спать, перекатился в сторону и швырнул в тень подушку, которую всё это время сжимал в руках.

Всё произошло так быстро, что в мгновение ока подушка, разрезанная тенью, упала на пол, а сама тень снова бросилась в атаку.

Удары, пинки, уколы кинжала — в темноте Цзюли едва справлялся с нападением, пока наконец не сдался, крича:

— Старший брат, пощади...

Услышав это, тень остановилась, а затем внезапно снова атаковала, сбив Цзюли с кровати ударом ноги.

Когда зажёгся свет, Цзюли, скрипя зубами, потирая живот, поднялся с пола и уставился на брата, которого давно не видел.

Шэнь Цзялань был одет во всё чёрное: чёрные брюки, чёрная толстовка с капюшоном и короткими рукавами, чёрные перчатки — идеальный наряд для ночного нападения на собственного брата, позволяющий полностью слиться с тьмой.

Его лицо, однако, было поразительно красивым: глубокие чёрные глаза, вписанные в бледную, почти прозрачную кожу, словно пара чёрных кристаллов.

В этот момент Цзялань явно был недоволен:

— Шэнь Цзюли, я даже наполовину не выложился, а ты, обладая врождённой способностью видеть в темноте, не смог продержаться и десяти ударов. Тебе не стыдно до такой степени, что хочешь головой об стену биться?

Он был раздражён тем, что брат оказался таким слабым.

Цзюли, глядя на его холодные глаза, словно загипнотизированный, потерял дар речи.

Холодный взгляд, холодная и прекрасная внешность, словно голубая роза, расцветающая в ночи, с шипами, сверкающими ядом.

Слишком красиво, слишком опасно...

Цзюли сильно ущипнул себя, чтобы прийти в себя. Это было слишком унижительно — застыть в оцепенении, глядя на лицо старшего брата.

Услышав, что Цзялань считает его слабаком, Цзюли поспешил сменить тему:

— Старший брат, как ты добрался? Ехать ночью — это слишком утомительно, ты мог бы переночевать в отеле, а я бы за тобой заехал завтра.

Цзялань безразлично ответил:

— Не так уж и утомительно. Меня привезли на вертолёте, я приземлился в пяти километрах отсюда, в апельсиновой роще, а потом дошёл пешком и влез в твоё окно.

Цзюли возмутился:

— В следующий раз не лезь через окно, а то примут за вора.

Цзялань фыркнул, явно не придав этому значения, и начал раздеваться.

— ...Старший брат, что ты делаешь?

— Собираюсь спать. Я два дня не спал, чтобы добраться сюда, так что останусь здесь, не хочу тратить время на возвращение в свою комнату.

Сняв с себя всю одежду, Цзялань махнул рукой и направился в ванную, оставив Цзюли подбирать его вещи и менять постельное бельё на чистое.

Когда Цзюли закончил, Цзялань вышел из ванной в пижаме брата, зевая и явно уставший.

Они легли спать на одной кровати, но расстояние между ними было таким, что могли бы уместиться ещё двое — всё-таки кровать была королевского размера.

Цзялань закрыл глаза и сказал:

— Сейчас весна, если ты вздумаешь вести себя неподобающе, я с тобой не церемонюсь.

Цзюли скрипнул зубами, но ничего не сказал.

Он был пробудившимся получеловеком кошачьего типа, а у кошек весной начинается период спаривания, так что слова брата были вполне уместны.

Они проспали до утра, и Цзялань, проспав половину ночи, проснулся в хорошем состоянии.

Они вместе почистили зубы и умылись. К счастью, в другой ванной были запасные полотенца и зубные щётки, так что Цзялань не стал ругать брата.

Закончив с утренними процедурами, Цзялань в пижаме открыл дверь, и на него набросился маленький комочек, обхватив его ногу.

Он поднял его и увидел белокожего малыша лет четырёх-пяти.

Ребёнок был милым, с круглым лицом, как булочка, маленьким ртом, круглыми глазами и носом, и с хитрой искоркой в глазах.

Цзялань поднял его и покачал, а малыш улыбнулся ему, излучая невинность и очарование.

— Малыш, кто ты?

К удивлению Цзяланя, мальчик, несмотря на возраст, чётко ответил:

— Меня зовут Сяочу, я маленький бедняжка, у которого папа безответственный, а мама ещё хуже. Иногда мне кажется, что однажды меня выбросят на улицу, и мне придётся просить милостыню, чтобы выжить. Совсем нет чувства безопасности!

— О, так тебя зовут Сяочу? Тогда я буду тебя опекать, хорошо?

— Правда?

Как раз в этот момент подошёл Цзюли, выхватил малыша из рук Цзяланя и строго сказал:

— Шэнь Сяочу, если не хочешь действительно оказаться на улице, веди себя прилично, понял?

Угроза была очевидной.

Сяочу покорно ответил:

— Папа, я всегда себя хорошо веду.

Цзялань с любопытством спросил:

— Сяоцзю, он твой сын?

Цзюли поставил ребёнка на пол, потирая лоб, и сказал:

— Это мой кредитор.

Сяочу, найдя нового покровителя, подбежал к Цзяланю, взял его за руку и сладко сказал:

— Сяолань, пойдём завтракать!

...Сяолань?

Цзялань с удивлением спросил:

— Ты так меня называешь?